

Он говорил, слегка отводя взгляд, словно боясь, что господин не поверит, и добавил:

— Да и если уйти, не факт, что будет лучше, чем в доме. В конце концов, я все равно буду петь, и для меня нет разницы, где это делать.

Шэн Цзяньвэй, глядя на его испуганные глаза, погладил его по голове и с улыбкой сказал:

— Лучше бы так и было.

Хуа Чжаошуй, стараясь угодить, улыбнулся:

— Мне хорошо с господином, вы ко мне хорошо относитесь, зачем мне куда-то уходить?

Выражение лица Шэн Цзяньвэя смягчилось, он отпустил его и, с легкой долей интимности, коснулся его щеки:

— Иди собирайся. Разве ты не хотел домой? Завтра отправляемся.

Хуа Чжаошуй, стараясь сохранить улыбку, но без особого энтузиазма, кивнул.

Шэн Цзяньвэй сдержал слово и перед отъездом специально взял для него несколько пакетов сладостей, которые с грохотом погрузились в карету.

По дороге Хуа Чжаошуй почти не разговаривал, либо отвечал господину односложно, либо играл с деревянной птичкой, его лицо было безучастным.

Шэн Цзяньвэй забрал у него птичку:

— Капризничаешь?

Хуа Чжаошуй по-прежнему выглядел отстраненно, покачал головой, а когда у него в руках ничего не осталось, стал теревить свою одежду:

— Я просто думаю о некоторых вещах.

— О чем?

Хуа Чжаошуй сжал губы, посмотрел на него и сказал:

— Я думаю, что сейчас господин любит меня, хорошо ко мне относится, но если однажды перестанет, что мне тогда делать?

Шэн Цзяньвэй фыркнул, ткнул в голову деревянной птички:

— Мне кажется, ты думаешь, что если я перестану тебя любить, то отпущу тебя из дома, верно?

Хуа Чжаошуй долго молчал, глядя на игрушку в руках господина, скрывая половину своих мыслей, и наконец сказал:

— Конечно, я надеюсь, что господин никогда не разочаруется во мне, тогда у меня всегда будет хорошая жизнь.

Шэн Цзяньвэй швырнул птичку в сторону и сказал:

— Иди сюда.

Хуа Чжаошуй все еще смотрел на птичку, медленно подошел и, немного нервничая, сел к нему на колени, но не поднял головы, оставив господину только макушку.

Шэн Цзяньвэй вдруг поднял его, заставив сесть на колени лицом к себе, чем сильно напугал Хуа Чжаошуй. Тот вскрикнул, уперся ладонями в его спину, а Шэн Цзяньвэй, прижавшись лбом к его лбу, сказал:

— Если тебе так нравятся птички, вернемся домой и купим целый ряд, повесим их под крышей, будешь каждый день слушать и смотреть на них, хорошо?

Хуа Чжаошуй попытался отстраниться, но господин крепко держал его за спину, не давая пошевелиться. Наконец он осмелился сказать:

— Господин, у нас и так много птиц в доме, зачем специально покупать еще?

— Кто-то слишком вольготно себя чувствует, нужно время от времени напоминать. А если не хотите, чтобы они жили в клетках, я могу сделать клетку для тебя, будешь жить в ней, ладно?

Хуа Чжаошуй знал, что он действительно способен на такое, и его охватил холод. Голос его стал тише, и он сдался:

— Господин, я всегда слушался, что вы запрещали, я не осмеливался делать.

— Я так не думаю, — Шэн Цзяньвэй обхватил его за талию, на лице его была улыбка. — Я знаю о тебе все, и лучше тебе не хитрить со мной, иначе тебе придется жалеть этих птиц.

Хуа Чжаошуй даже не посмел взглянуть на него, опустил голову и молчал.

Но вдруг Шэн Цзяньвэй сменил грозный тон, погладил его по голове и наклонился, чтобы поцеловать в губы.

Хуа Чжаошуй, все еще дрожа, испугался и инстинктивно отстранился, но потом понял, что сделал ошибку, и обхватил господина за шею, сам начав целовать его.

Шэн Цзяньвэй на этот раз не стал его упрекать, позволил ему неумело целовать себя, а затем засмеялся:

— Похоже, ты все еще не прогрессируешь.

Хуа Чжаошуй покраснел, закрыл глаза, и господин, снова прижав его голову, поцеловал его так, что тот едва мог дышать, не смея его оттолкнуть, только слабо сопротивлялся, пока его небо не начало покалывать, а голова не закружилась. Наконец он отпустил его.

В город Цзиньюнь они прибыли в дождливый день, небо было хмурым. Слуги дома, узнав о возвращении господина, уже ждали у ворот.

В карете Хуа Чжаошуй еще не проснулся, его голова лежала на коленях господина. Когда карета остановилась, он медленно открыл глаза, они были красными, как будто он плакал, на шее виднелись красные и синие следы, а одежда была в беспорядке.

Шэн Цзяньвэй поправил его одежду, слегка укоряя:

— Ты даже не можешь одеться как следует, чтобы выйти к людям?

Пояс Хуа Чжаошуй упал на пол, он нагнулся, чтобы поднять его, сжал губы, привел себя в порядок и начал собирать свои длинные волосы, обнажив запястье с красными следами от веревок. В целом он выглядел довольно жалко.

Не обращая внимания на слуг за дверью, внутри все еще не спешили. Шэн Цзяньвэй с улыбкой наблюдал за ним:

— Почему ты опять выглядишь таким обиженным? Неужели господин что-то сделал?

Строго говоря, ничего особенного не произошло, в дороге неудобно. Но Хуа Чжаошуй чувствовал себя опустошенным, господин буквально довел его до изнеможения, испачкал одежду, а в конце осталась только боль. Господин говорил, что даст ему попробовать сладость, но на самом деле это было мучением, возможно, в отместку за историю с птичкой. В дороге он не мог громко кричать, плакал и умолял, но это не помогало, он был на грани.

Голос Хуа Чжаошуй все еще был хриплым, он вяло сказал:

— Нет, я просто устал.

— Господин ухаживает за тобой, а ты устал?

Хуа Чжаошуй не нашелся, что ответить, боясь, что господин вдруг вздумает сделать что-то еще более унижительное, ведь они уже у дома, и если что-то случится, это будет катастрофой для него.

Подумав, Хуа Чжаошуй сказал:

— Теперь все в порядке, господин, давайте выйдем, все ждут.

Шэн Цзяньвэй больше не стал его мучить, только щипнул за щеку и вышел из кареты. Вернувшись домой, они переоделись и пошли навестить господина и госпожу.

Эта поездка заняла больше двух недель, и госпожа задержала его для разговора. Когда Шэн Цзяньвэй вернулся, уже был вечер, и он не увидел Хуа Чжаошуй в комнате. Увидев слугу, который убирался, он спросил:

— Где он?

Слуга ответил:

— Господин, он сказал, что идет кормить рыбу, уже некоторое время там.

Шэн Цзяньвэй нахмурился:

— На улице дождь, зачем он пошел кормить рыбу?

Он направился к пруду, где рядом с водой стояла беседка. Вдалеке он увидел человека, который спал, облокотившись на перила, в руке у него была маленькая фарфоровая миска с кормом для рыб. Шэн Цзяньвэй подошел, забрал миску, снял свой плащ и накрыл его, затем поднял на руки и понес в дом.

Хуа Чжаошуй спал так крепко, что проснулся только когда его положили на кровать. Он

испуганно вскочил, увидев господина, сидящего на краю кровати, и отодвинулся.

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него:

— Ты чего испугался? Я что, людоед?

Хуа Чжаошуй покачал головой и начал говорить невпопад:

— Сегодня... я слишком устал, не знаю, как уснул там. Это господин принес меня сюда?

— Возможно, ты сам встал и пришел сюда, как лунатик.

Хуа Чжаошуй подумал, приблизился и погладил его по волосам:

— Господин промок, на улице все еще идет дождь?

Шэн Цзяньвэй взял его за руку, слегка укусил за палец:

— Кто тебе сказал идти кормить рыбу под дождем?

Хуа Чжаошуй улыбнулся и спросил:

— Господин, вы поели?

Шэн Цзяньвэй кивнул:

— А ты еще не ел?

Хуа Чжаошуй покачал головой:

— Я поел, съел миску рисовой каши и три булочки.

Шэн Цзяньвэй засмеялся, погладил его по щеке и, пристально глядя на него, спросил:

— Сегодня ты особенно послушный, что-то натворил?

Хуа Чжаошуй посмотрел на него, немного испуганно, и через некоторое время сказал:

— Господин, я хочу попросить вас об одном деле.

— Говори.

— Господин, я уже давно не был дома. Сегодня я услышал, что моя мама плохо себя чувствует, я хочу навестить ее.

— Хочешь домой? — Пальцы Шэн Цзяньвэя скользнули по его щеке, взгляд его стал странным.

— Вот почему ты так активен, оказывается, у тебя есть просьба.

Сегодня вышла глава. В следующую среду может быть обновление, а может и не быть.